

Л. Н.
АНДРЕЕВ

Избранное

Леонид Николаевич Андреев

В кругу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2806745

Аннотация

«На днях мне сделалось ужасно скучно. Я почувствовал, что мне надоело что-то, что я не выношу чего-то и что, если с этим «чем-то» меня оставят еще на полчаса, я устрою сцену жене, разочту горничную Машу и, несмотря на протест тещи, отправлюсь добровольцем на Восток. И так как надоел мне именно я сам, то я пошел в гости к Ивану Петровичу. Хотя Иван Петрович мне тоже надоел, но я с ним бываю реже, чем с собой, и потому не так ненавижу его, как себя. По дороге я встретил Алексея Егоровича и увидел на его лице выражение радости...»

Леонид Николаевич Андреев В кругу

На днях мне сделалось ужасно скучно. Я почувствовал, что мне надоело что-то, что я не выношу чего-то и что, если с этим «чем-то» меня оставят еще на полчаса, я устрою сцену жене, разочту горничную Машу и, несмотря на протест тещи, отправлюсь добровольцем на Восток. И так как надоел мне именно я сам, то я пошел в гости к Ивану Петровичу. Хотя Иван Петрович мне тоже надоел, но я с ним бываю реже, чем с собой, и потому не так ненавижу его, как себя. По дороге я встретил Алексея Егоровича и увидел на его лице выражение радости. С поспешностью, делающею честь его дружескому расположению, он переделал зевок в приятную, хотя несколько широкую улыбку и сказал:

– А я к вам. Такая, знаете, скука! – Он попробовал улыбнуться, но нечаянно зевнул, и, так как я зевнул с ним почти одновременно, это начинало походить на своеобразное развлечение. – С женой к тому же поссорился. Из-за Кати. Вы видали у меня горничную: с этакой лошадиной физиономией. Через рекомендательную достали. Пьет напропалую и неоднократно уличена в полиандрии. А вы куда?

– К Ивану Петровичу. Пойдемте и вы, – предложил я. –

Может, четвертый найдется, повинтим.

Алексей Егорович задумался.

– Надоел он мне, этот Иван Петрович, – нерешительно сказал он. – А впрочем, пойдёмте. Такая, знаете, скука. Будь я доктор, сейчас в Китай поехал бы. Я теперь каждый день тещу Китаем дразню.

Дорогой мы хотели сесть на конку, но она была полна. На перекрестке садились с передаточными билетами. Они садились, а кондуктор их высаживал и предлагал сесть на следующую. Никогда не видя следующей, он был добросовестно убежден, что она всегда пустая.

– Этакое безобразие, – сказал Алексей Егорович. – Пора бы уже...

– Да, пора бы уже... Вот тоже третьего дня я видел, как даму одну... в толкучке... спихнули...

Многоточия обозначают мою зевоту, впрочем, также зевоту и Алексея Егоровича. На следующем перекрестке задавил было лихач. В непонятном для нас порыве восторга он гнал лошадь, и пустая пролетка подпрыгивала на своих обтрепанных шинах. На укоризненное замечание моего спутника лихач обидно усмехнулся.

– Пора бы... – начал Алексей Егорович, но не кончил. Становилось отчаянно скучно. С трудом подавляя в себе раздражение, я с ненавистью смотрел на толстую фигуру Алексея Егоровича и думал, как не надоест ему говорить об этих конках, лихачах. Ведь столько уже говорили. Я отвернулся и

почувствовал, что Алексей Егорович также смотрит на меня. Молчать было неприятно, и я сказал:

– Какая погода хорошая.

– Да, хорошая. Но представьте, какой странный случай: я сегодня десятый раз слышу это.

Мы не смотрели друг на друга, так как это едва ли могло бы повести к чему-нибудь хорошему; и так, отвернувшись и молча, дошли до квартиры Ивана Петровича. Поднимаясь по лестнице, Алексей Егорович постарался принять развязный и веселый вид, как подобает гостю, и заговорил:

– Говорят, квартиры дешевеют. Пора уже.

Я так же весело и развязно ответил:

– Да, дешевеют, говорят. Пора уже.

И, весело смеясь, мы вошли в квартиру. Из кабинета Ивана Петровича доносился чем-то раздраженный, сердитый голос, но, увидя нас, Иван Петрович весело рассмеялся, обнял меня, похлопал Алексея Егоровича по животу и воскликнул:

– Вот, кстати. А я было с женой собрался к вам, – обратился он к Алексею Егоровичу. – Такая, знаете, скука! Ну, как вы, как ваши?

– Ничего, хорошо, а вы как?

– Да ничего. Сейчас кухарку рассчитал. Возвращаюсь из суда голодный как собака, а мне вместо обеда черт знает что подают. Нет, знаете, с этой прислугой...

Для начала мы поговорили о несчастье иметь прислугу и, к общей радости, пришли к одинаковым, хотя неутеши-

тельным выводам. Явилась и жена Ивана Петровича – Софья Андреевна, тоже рассказала о кухарке и передала несколько возмутительных случаев, Алексей Егорович снова повторил рассказ о горничной с лошадиной физиономией и в свою очередь передал несколько других возмутительных случаев. Я рассказал только три случая. Я рассказал бы и еще, но физиономий моих собеседников не давали для этого достаточно повода. Иван Петрович зевнул, шутливо заметив:

– Поздно лег вчера. В «Аквариуме» засиделся.

– Ах, это не при вас упал с каната? – спросил я.

– Как же, как же, – отозвался Иван Петрович. – При мне. Мы недалеко сидели. Такой ужасный случай! Молодой, говорят, малый, семья там где-то.

– Пора бы уже прекратить эти зверские зрелища, – негодуяще заговорил Алексей Егорович. – Поистине «жестокые нравы»!

– Да, поистине «жестокие», – сочувственно ответил я, вспомнив, что в трех газетах видел я это выражение и уже сам два раза в этот день употребил его. То же, по-видимому, вспомнил и Иван Петрович, потому что поспешно закрыл рот и виновато скосил глаза.

– Нужно как-нибудь хлеб зарабатывать, – сказал он.

Так как и эту фразу я уже слышал сегодня, то мне ничего решительно не стоило ответить тем, чем и раньше я ответил:

– Да, но какова публика, требующая такого рода зрелищ. Разговор оживился. Алексей Егорович вспомнил Рим с

его знаменитыми «хлеба и зрелищ». Софья Андреевна сообщила, что она вообще не может видеть эти трапеции и канаты, а Иван Петрович передал подробности другого такого же случая, которого он был свидетелем два года назад. Вывод, к которому мы пришли, был таков: подобные зрелища не должны быть допускаемы. И когда мы пришли к этому выводу, я вспомнил горничную Машу, которую нужно расчесть, конку, лихача, квартиру, и мне снова захотелось уехать добровольцем на Восток. Того же, очевидно, захотелось и Алексею Егоровичу, потому что он вздохнул и мечтательно промолвил:

– А занятно теперь в Китае. Пекин горит...

Мне уже давно чего-то хотелось, и при словах Алексея Егоровича я понял – чего: мне смертельно хотелось видеть горящий Пекин.

– На улицах дерутся... – с жаром подхватил Иван Петрович, отличавшийся большой фантазией. – Представляю себе эту картину: узенькие переулочки, серые ряды солдат...

– Пестрые, – поправил Алексей Егорович.

– Да, пестрые. Дым, грохот пушек, свист пуль. Над головами черная туча дыма, вдалеке языки огня...

– Треск падающих домов... – продолжал Алексей Егорович. Я не знал, что у него тоже есть фантазия. И я тоже хотел добавить кое-что к изображенной картине, но вовремя вспомнил, что я человек культурный, и вставил:

– Но какое ужасное зло – война.

– Зло, – не сразу понял Иван Петрович. – Ах да, конечно, зло. Вон баронесса Зуттнер пишет...

– Н-да, – промямлил Алексей Егорович и почему-то свирепо посмотрел на меня. – Конечно. Кто же говорит, что не зло. А что, в винтик не сыграем? – с тоской оглянулся он и даже попробовал ногой под диваном, точно там мог быть запрятан «четвертый». Положительно, у этого толстяка была фантазия.

Четвертого не нашлось, и мы продолжали разговаривать на ту тему, что война зло. Говорили мы горячо и убедительно. Иван Петрович представил даже, вроде гаршинского героя, как это лежат в ряд трупы: один, два... тысячи. Пришли к тому заключению, что война вредна во всех отношениях. А придя, вздохнули, и я вспомнил горничную Машу, конку, лихача, квартиры и канатоходца. Потом долго сидели молча и вздыхали.

– Слава Богу, – заговорил Иван Петрович, – начинают, по видимому, сокращать древние языки. Пора бы уже.

– Давно пора, – согласился я. – Сколько напрасно потраченного времени, сколько мучений... Эти хотя бы экстемпоралии или каникулярные работы.

– Именно, – согласился Иван Петрович.

– Помню я, как раз...

И Иван Петрович рассказал несколько анекдотов из гимназической жизни, отчасти по поводу экстемпоралий, но главным образом относительно курения. Рассказал несколь-

ко анекдотов и Алексей Егорович, немного оживившийся. К сожалению, я уже раньше слышал их и не мог смеяться с надлежащей степенью веселья и искренности. Странное ощущение: о чем мы ни заговаривали, казалось, что мы уже говорили об этом, и не в той жизни, а только вчера, до того свежи в памяти были и слова и ощущения. Попробовал я смеяться – и мне чудилось, что и вчера я смеялся и третьего дня, и именно по этому же поводу; попробовал я негодовать – и вчера негодовал и третьего дня негодовал.

– А читали, – перешел Иван Петрович к новой теме, – как один купец, не то мещанин выкатил проходившим войскам бочку пива и целовался с солдатами. Все плакали, – иронически добавил он.

– Патриотизм, – иронически заметил Алексей Егорович.

– Патриотизм! – усмехнулся я.

Дальше иронии мы, однако, не пошли: уж очень скучно было. Так было скучно, что я снова размышлял о горящем Пекине. Потом мне вспомнился почему-то Наполеон и горящая Москва и стало жаль, что меня в то время не было, а потом я вздохнул от совершенно неожиданной мысли: антихрист придет очень еще не скоро. По счастью, нас позвали пить чай.

За столом речь снова зашла о войне. Иван Петрович возмущался поведением Англии, Алексей Егорович иронизировал по поводу союзников вообще, я иронизировал по поводу Англии, союзников и культуры. Что-то ненужное, при-

творное было в иронии и в разговоре, и было не то совестно, не то обидно, не то просто скучно до отчаяния.

– Хороша культура, – усмехнулся я.

– Да уж, нечего говорить, – отвечал Иван Петрович. – Читали, как в Нью-Йорке негров избивали?

– Да что негров, – иронизировал Алексей Егорович. – На что нам негры. У нас своих негров достаточно.

– Но ведь нельзя же и без культуры?

– Кто говорит!

Какая-то бессмыслица, тупая и скучная, выросла над нами, и некуда было уйти от нее, и каждое новое слово увеличивало ее. Мы замолчали, нагнувшись над стаканами, и тогда заговорила Антонина Ивановна, мать жены нашего хозяина. Младший сын ее, отбывавший повинность, был отправлен на Восток, и она, очевидно, думала о нем.

– Какой это ужас – война, – сказала она, и голос ее дрожал, и в глазах ее я увидел слезы. И что-то живое, печальное, но странно чуждое нам пронеслось над нами, и стало еще скучнее и обиднее, и нелепость, в которой мы жили, которой мы дышали, которая окутывала нас, стала большой и грозной. И мы перестали говорить о войне.

Потом мы опять перешли в кабинет и говорили о Гауптмане, Горьком и Чехове. И то, что мы говорили, вы можете найти в любом журнале или газете, и эта невольная публичность, избитость наших слов делала их ненужными, мертвыми и скучными. Мы горячились, размахивали руками, кри-

чали, добросовестно симулируя оживленный спор, и даже с ненужной, но отрадной ядовитостью язвили друг друга, но все это было такое неживое, такое в высшей степени ненужное и нелепое, что становилось страшно и хотелось кричать или плакать. Минутами мне чудилось, что это не три свободных гражданина Российской империи коротают время в полезном досуге за литературной беседой, а три пожизненных каторжника, громыхающих своей цепью.

Громкий звонок прервал наш оживленный спор, и в кабинет вошел Антон Антонович. Мы восторженными восклицаниями встретили его, а он удивленно посмотрел на нас, молча пожал нам руки и, отдышавшись от подъема по высокой лестнице, сказал:

– Извините, Софья Андреевна, что так поздно. Такая, знаете, скука. Сел было работать, да не клеится. А тут жена с прислугой лезет, попалась ей там какая-то...

– Ах, и не говорите, Антон Антонович, – вздохнула Софья Андреевна. – У нас тоже... Ваня, велеть раскладывать стол?

– Да, да, пожалуйста. Голубчик, – обнимал Иван Петрович «четвертого». – Как это хорошо, что вы надумались зайти к нам.

– Как живете-можете? – ласково спрашивал Алексей Егорович.

– Что-то давно не видно? – спрашивал с интересом я.

Тронутый нашей любовью, которой он раньше не замечал, Антон Антонович улыбался во все стороны, пока горничная

расставляла стол. Через десять минут мы уже играли молча, с серьезными и довольными лицами.

– А квартиры-то дешевеют, – говорил Антон Антонович во время сдачи карт.

– Ага, дешевеют, – сочувственно отзывались мы.

В следующей сдаче он сказал:

– Читали, канатоходец-то.

– Как же, как же. Ужасный случай. Две пики.

– Бубны.

– Пас.

Когда мы возвращались домой вдвоем с Алексеем Егоровичем, он дружески держал меня под руки и говорил, задумчиво глядя на звезды:

– Не испытываете ли вы иногда такого чувства: будто ты уже тысячу лет живешь, все знаешь, обо всем говорил. Даже вот и это, насчет тысячи лет, я как будто уже говорил вам когда-то... А?